

Н.Т. Оксана, добрый день! Читаю и перечитываю «Снежинцы»¹. Моя первоначальная идея побеседовать о поэтическом мастерстве натолкнулась на прекрасную преграду: твои стихи. Как всё живое, поэзия в первую очередь погружает в молчание. Стараясь не спугнуть состояние накопления высоты, расскажу о самых ярких первых впечатлениях.

*О Господи, как я привыкну к себе такой –
Исполинской ракете, склонившейся над рекой,
Где измученный путник однажды поил коня
И мгновенье – не боле – помедлил в тени меня?*

Мне нравится в твоей книге смелость сказать о «себе такой – исполинской ракете, склонившейся над рекой». И чувствуется, что эта исполинская мощь очень глубоко и прочно укоренена, она может выдержать многое. Рядом с этой силой хочется быть, в ней ощущается весть и об общей нашей укоренённости, о том, что мы – больше и глубже, чем мы знаем о себе. И это даёт спокойствие и поддержку.

А что для тебя самой эта книга? С какого поля она собрана?

О.Р. Для меня появление этой книги – откровенное чудо, очередное весомое доказательство того, что логичные аргументы нашего сознания – это рамки, которые отделяют освоенную область мира – нашу ойкумену – от ещё непознанного пространства. А наши искренние горячие желания, идущие откуда-то изнутри, есть проводники с обжитой территории на новые земли.

Это моя вторая книга, первая вышла в 2013 году. В промежутке между книгами был тяжелейший период моей жизни. Он ознаменовался внутренним переломом, во многом обусловленным резкой сменой образа жизни и рождением детей. Возможно, это был переход от потребительской модели существования к созидательной. Книга собрана скорее не «с поля», а из непроглядной житейской глубины, и стихи здесь – короткие выходы на поверхность, способ оглядеться, удостовериться, что настоящая жизнь по-прежнему есть и она идёт своим чередом.

Н.Т. Но твоя поэтика ясно говорит об источниках: это родная земля, детство в деревне... Хотя, возможно, не только это? Я знаю, что ты историк по образованию. Твой личный взгляд назад, в наше историческое прошлое – он какой?

О.Р. Наше прошлое огромно и более интересно, чем я представляла себе до недавнего времени. Нам, как специалистам по русской истории, опирающимся на письменные источники, отчасти археологию, известна история нашего народа максимум с VI века, и то лишь благодаря эпизодам из античных текстов. Прошлым летом мне удалось осуществить давнюю мечту и провести литературный фестиваль неподалёку от моей малой родины – в музее-заповеднике «Аркаим». И здесь, прикоснувшись к воссозданному материальным объектам эпохи XX века до нашей эры, я не просто поняла, но очень полно почувствовала, что между культурой древних индоевропейцев, создавших первую на Земле городскую цивилизацию, и культурой славян есть прямая очевидная связь-преемственность. Эта тема очень обширна, и нам ещё предстоит серьёзно осмыслить её во многих аспектах.

*Её одежды не могли
Ни скрыть, ни выдать странный возраст.
На зимний потаённый воздух
Снежинки острые легли.*

Н.Т. Следующий вопрос – даже не вопрос, а моя попытка угадать: кульминация книги – это стихотворение «Встреча»? Здесь собираются скрытые силовые линии всех мотивов, звучащих в стихах, и архетипическое содержание особенно ясно: происходит некая передача лирической героине глубинного знания или энергии. И это – женская энергия, питающая («но хлеб сиял в её руках»).

О.Р. Согласна, что это стихотворение кульминационное в книге. Само событие, послужившее прообразом к нему, произошло в самый тёмный период того жизненного этапа, когда создавалась книга. Это было время абсолютного отчаяния и дна невиданного. Я физически была ещё жива, но

¹ Ралкова О.В. Снежинцы / Ралкова О.В. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2019. – 44 с.

метафизически числилась между мёртвыми совершенно определённо, оставалось чуть-чуть подтолкнуть. И тогда произошла эта странная встреча со странной особой, которая на улице Эльтонской в посёлке Чурилово пожелала мне здоровья. Она в действительности или метадействительности была такой, как я её описываю: в чёрной одежде, с большим куском белого хлеба. Осмысление и художественная обработка «Встречи» длилась три года, и, пожалуй, только благодаря этому стихотворению книга состоялась вообще.

Н.Т. Твой рассказ о Встрече (именно так, с большой буквы) удивителен – в нём поэтическая основа бытия проступает сквозь реальность, становится зримой, и всё становится текучим, живым. А как ты относишься к идее, что мы присутствуем при рождении эпохи, когда новое осознание женского начала становится не только реальностью, но и абсолютной необходимостью для выхода из тяжелейших проблем общества, цивилизационных тупиков?

О.Р. Очевидно, что возрождение женского начала – это естественная для культуры реакция на внешний раздражитель. Ведь если мужчины – это фронт, то женщины – тыл. И вот когда фронт заметно проседает в нравственной борьбе (вспомним, что прихожане церкви сейчас на 90% женщины, армия народного образования сплошь женская), то на арену выходят женщины, у которых приспособляемость к резко изменяющимся условиям заложена самой природой. Кроме того, рискну заявить, что мы не только живём при рождении новой эпохи, но рождаем её в муках и воспитываем.

И всё чаще мне приходится сталкиваться с фактом искажённого восприятия прошлого нашего общества. Мне повезло в том плане, что я знаю, как преподают и изучают историю по учебникам и монографиям, а также могу сравнить её с образами прошлого, которые хранились в народной памяти и передавались из уст в уста, как это было в бесписьменный период. Совершенно очевидно, что история академическая – это в первую очередь политическая история, отчасти экономическая. И лишь совсем недавно, в середине 1980-х годов, в Германии началось изучение новой культурной истории, истории повседневности, истории ментальностей и др.

Этот поворот в исторической науке призван изучить жизнь общества как бы изнутри, не то чтобы даже изучить, а понять изнутри, приблизиться к образу мира «обычного» человека, творящего среду, из которой вырастали потом великие политики, полководцы, учёные. Но чтобы понять что-то глубоко, изнутри, нужно это сначала полюбить! Так, чтобы понять образ мира русской крестьянки хотя бы начала XX века, нужно к ней относиться не как к грязной и необразованной дикарке. А ведь именно так, в целом, относилась к русскому народу

подавляющая часть дворянства, творящая академическую историю, не говоря уже о том, что основоположники российской исторической науки были иностранцами.

Мне удалось застать живой мою прабабушку, рождённую в 1897 году, до сих пор жива моя бабушка, которой исполнился 91 год, и на основе их воспоминаний, самого образа мыслей, образа мира, который я увидела изнутри благодаря тесному повседневному контакту, я делаю определённые выводы, и они выходят за рамки преподаваемой сегодня истории.

*Не здесь ли, вминая прибрежную глину,
Душа моя поит и холит коня,
Чтоб смело бросаться в любую стремнину
И вновь восставать из любого огня?*

Н.Т. Казачья станица, жизнь казаков, как это описано у Шолохова в «Тихом доне», – это похоже на жизнь твоих родных?

О.Р. «Тихий Дон» вообще лучший роман XX века, на мой взгляд. И да, похоже на нас, но у нас более сдержанные люди были, так как края суровее.

Мне бы хотелось сейчас показать изнутри образ жизни этой общности, условно называемой крестьянской общиной, о которую сломано столько копий. Расскажу о селе, где я родилась. Оно было основано как казачья станица в середине XIX века, располагалось в долине притоков Большой Караганки, или реки Корт, как она именовалась на карте XIX века. В станице жило около 300 семей, были церковь, школа, кузница, частные подворья, приречные огороды, пастбища, пашни. Это была замкнутая общность, одной из характерных и отличительных черт которой была её самодостаточность. Люди, жившие в станице, могли родиться, прожить и умереть в ней, практически не прибегая к внешним контактам. Все, кто им был нужен, уже жили здесь. И если человек имел талант, скажем, певца или стихотворца, то здесь же он и реализовывался. Мой прадед Кузьма Романов, убитый в Эстонии в 1943 году, был великолепным певцом, имел настолько сильный голос, что, когда он пел, гас огонь в керосиновой лампе под стеклом. Мой прапрадед Леонтий Лошкарёв имел феноменальную способность на ходу складывать стихи и сочинять небылицы. Талант этот так запомнился односельчанам, что его прозвище «Дед Шапил» переходит теперь из поколения в поколение по мужской линии рода.

Моя прабабушка Антонида Леонтьевна Лошкарёва родилась в станице Полоцкой 1896 году, а её будущий муж Иван Максимович Андронов в 1897-м. Прабабушка была маленького по нынешним меркам роста женщина, думаю, около 150–153 см, кругленькая, быстрая, круглолицая, светлая, голубоглазая. В сентябре 1937 года Иван Максимович был арестован, в ноябре его уже расстреляли, но бабе Тоне об

этом не сообщили, и она ездила зимой в Челябинск, просила встречи с ним, ей отвечали: «Осуждён без права переписки». Она вернулась домой и продолжила растить пятерых детей. Младшего ребёнка всё же не уберегла: он, оставаясь на попечении своих братьев и сестёр, умер от простуды.

В годы войны прабабушка, по свидетельству бабушки, работала в колхозе день и ночь без сна. Она приезжала вечером, привозила детям рукавицу зерна на пропитание, обливалась ледяной водой из колодца и уезжала обратно на работу. Самым удивительным свойством бабушки Тони была её нескончаемая весёлость и чувство юмора, она умела сохранять радостное настроение и бодрость духа даже в самых тяжёлых ситуациях, часто шутила и смеялась. Однажды, уже после войны, когда моя бабушка была замужем, прабабушка Тоня руками поймала в реке щуку, когда утром пошла за водой. Она бросила её в ведро и понесла добычу в дом своей свахи – прабабушки Натальи. Зашла, поздоровалась и у порога достала живую, трепыхающуюся рыбку из ведра со словами: «Ставь, сваха, чугуна, будем уху варить!» Для своих детей баба Тоня была светом и божеством. Бабушка помнит, любит и плачет по ней до сих пор. Прабабушка Тоня умерла на 95-м году жизни в 1991 году, до последнего вздоха сохраняла ясное сознание и сожалела не о собственной приближающейся смерти, а о расставании с детьми, внуками, правнуками. Сегодня эта пара – бабушка Тоня и её супруг Иван – образец супружеских отношений для меня, пример добрых, весёлых, чистых и честных людей, проживших достойно свою жизнь.

Удивительно, но мы – образованные, прогрессивные, бесконечно более обеспеченные в материальном плане их потомки – даже и приблизиться не можем к простоте и чистоте их сознания, остаётся только стремиться. И я пытаюсь понять мир обитателей Аркаима, живших 4 тысячи лет назад, опираясь на понимание мира моих дедов и прадедов. Уточню, что Полоцкая долина, где расположено моё село, находится в 15 километрах от Аркаимской, мои предки полтора века косили на её заливных лугах сено. Я считаю, что долина, в которую особым образом вписывалось древнее городище праиндоевропейцев (или ариев), в буквальном смысле была для них их собственной Вселенной, и они жили в ней, стремясь уже при земной жизни приблизиться к состоянию божеств, что не так и сложно, если тонко чувствовать окружающий мир.

Когда сейчас я это пишу, понимаю, что для воссоздания цельного образа прошлого академической истории мало, тут нужна литература. На мой взгляд, очень точно выражение Пушкина по этому поводу: «История народа принадлежит поэту».

*Здесь я представляю, как прадед Кузьма
С любимым соседом Иваном
«Турецкое полечко» пели впотьмах
Над яром, поросшим бурьяном.*

Н.Т. Спасибо за столь живое погружение в историю. В сравнении с этим – что ты ощущаешь, когда читаешь современных молодых поэтов, прозаиков? Это больше согласие или несогласие с неким общим настроением, направлением (если оно есть)? Может быть, есть какие-то основные тенденции, к каждой из которых отношение особое? Другими словами, из какой неудовлетворённости настоящим (в коллективном аспекте) возникает твоя потребность поэтического творчества?

О.Р. К счастью, есть поэты и прозаики моего поколения, произведения которых интересно читать. И вообще, чтение – это ведь, в первую очередь, общение автора и читателя, а общаться мне особенно интересно с людьми, в которых ощущается духовная работа, людьми, которые живут не только телом и не только для удовлетворения физических потребностей. Поэзия же вообще универсальный способ глубоко и быстро понять человека.

Если говорить о проблемах и несовпадениях, то в первую очередь стоит отметить удивительную лёгкость до легкомыслия в обращении со словом, с поэтической речью. Поэзия перестала быть таинством, насущным хлебом, и потому она быстро обесценивается. Здесь, видимо, разгадка кроется в том, что язык воспринимается многими как обезличенный ресурс, безжизненный стройматериал для стихов, рассказов, романов. И это совпадает, с одной стороны, с общей потребительской парадигмой современной эпохи, а с другой – является наследием грубого материализма, который заметно атомизировал традиционное (природное) образное мышление. Речь, к счастью, продолжает оставаться стихией, живой разумной силой, и тот, кто её так воспринимает, пожалуй, на верном пути.

*Родниковую лаву – стихию речь
Можно только черпая уберечь,
К воспалённым устам поднося в горсти.
Только тем и можно себя спасти.*

Н.Т. Что для тебя мастерство в литературе? У нас у всех есть удача, когда «сложилось само», а что насчёт трудностей? Ты можешь привести пример, когда строфа, строка, рифма не давались, – и потом всё же получилось? И получилось хорошо. Как эта трудность была преодолена?

О.Р. Да, всё в том же стихотворении «Встреча». Оно очень долго не давалось, потому что изначально было так: «Её лохмотья не могли ни скрыть, ни выдать странный возраст». И дальше не двигалось. Потом поняла: не лохмотья, а одежды. Образ «обжался» на столь неместное определение. Поменяла слово – и сразу выстроились ещё три строфы. Дальше уже помогали вы на онлайн-семинаре АСПУр. Достроилась ещё строфа, а затем, когда срочно нужно было его печатать, оно было дополнено пятой строфой и закончено.

Н.Т. Очень точное наблюдение – «образ обиделся». Вот так Нечто, что стоит за реальностью, работает в нас через слово. Но, думаю, без соотнесения себя со всем культурным полем от истоков до современности творческая рефлексия остаётся неполной. Возможно, уровень поэта (насколько он справляется со своей силой либо насколько способен эту силу вытащить, поднять из себя, дать ей голос) и зависит от того, в том числе, как глубоко и полно он рефлексирует, как он может соотнести себя со всем, что уже существует в культуре. Ты, как мне чувствуется, говоришь, соотнося своё творчество с очень глубокими вещами, – дохристианским, архаическими даже, и делаешь это не на уровне неоязычников, не «с потолка», а органично – через живой опыт детства в деревне, общения с большей (чем это доступно обычно) глубиной, в таком месте на земле, где архаика очень близко подходит к поверхности, проницается в современность.

Ты как-то ощущаешь эту рефлексию, этот диалог с архаикой? Может быть, как внутренний разговор, как какое-то вопрошание? Даже – позволю себе рискованно выразиться – как некую совесть, растущую из глубин? Как говорила Цветаева: «Через "не то" – прихожу к "то"». Вот это цветаевское «не то» – оно может и не прозвучать в какой-то иной обстановке, но перед лицом своего глубинного вдруг понимаешь о написанном – «не то»! И через это приходишь к «то».

О.Р. Снова детские воспоминания приходят на ум. И та же Цветаева говорила: «До 7 лет мы узнаём мир, всю остальную жизнь осознаём узнанное». Так вот тогда у меня кроме речи и традиции было много Природы. Деревенские дети большую часть суток проводят на улице, вне зависимости от погоды и времени года! Я обожала зиму. Зима для меня была настоящим чудом. Чаше всего я играла одна. Потому что мы жили в «старой» деревне, а вся молодёжь с детьми – в новых её частях. Но мне никогда не было одной скучно: я придумывала себе сценарии игр, представляла себя властительницей степного Снежного царства, бесконечные сверкающие снега были моими несметными богатствами. Всё детство, лет до 13, строила в этом царстве себе дворцы из снега.

У меня были воображаемые друзья и враги. Например, некая Морана – воплощение холода и тьмы, которая будто бы жила за лежащей на север от села Первой горой и угрожала моему миру. Этим образом Мораны я поделилась со своей сестрой Викой, и она до сих пор помнит, как её боялась. Любопытно, что в славянской мифологии действительно существует богиня Морана или Морена, и описание её образа там до мистической дрожи совпадает с моим. Мои владения лежали от дома до «дамбы» – бетонного моста, соединяющего два берега нашей

речки, где и разворачивались основные действия моей игры – воображаемого мира (как близки слова «мир» и «миф»!). Дамба-мост (Калинов мост у славян) была четырёхгранная бетонная труба, откуда всегда фуговал ледяной северный ветер. Отсюда начинались владения Мораны. Она была неопишимо торжественной красавицей. Я была в неё влюблена и сама иногда воплощалась в неё, но всё же меня отталкивали её нечувственность и безрадостность.

Уверена до сих пор, что не заимствовала откуда-то этот образ (это не сказочный и не мульт-персонаж, у нас было очень мало внешней информации), а сама её выдумала и вывела ей имя из слов «морок, обморок»: Морока – Морака – Морана. Возможно, это и был тот архетипический диалог, естественное вживание в природу, со-бытие с ней один на один, создание смыслов на основе её живого материала. Может быть, таким же образом древние люди того же «аркаимского» периода и творили свои мифы. Возможно, эти навыки естественной свободы выросли в творчество. И именно в творчестве я могу продолжать строить свои миры, быть всемогущей защитницей своего мира, продолжать природный высокий диалог с Мирозданием.

Н.Т. А можешь ли ты назвать поэтов, чью поэтику продолжаешь и развиваешь? А от кого-то, возможно, наоборот – отталкиваешься?

О.Р. На моё понимание того, что такое поэзия – «складная» речь, – оказал всё же в первую очередь народный фольклор – песни, потешки, прибаутки, молитвы, заговоры, повседневная речь. В моём детстве было много праздников-посиделок старших родственников, в которых дети также принимали участие: играли рядом в свои игры, но и слушали взрослых, конечно, и смотрели на них. Взрослые очень много пели, много рассказывали историй о прошлой жизни. Так вот, в части песен у меня была странная особенность: когда я их слушала, мне нередко хотелось исправить «слабые места в тексте» – поставить другое слово, где-то добавить слог, где-то прояснить смысл. Я обращалась к бабушке со своими предложениями. Она, конечно, удивлялась. Кроме того, мне много читали Пушкина и Некрасова, всевозможные сказки. Может быть, отсюда я и усваивала эту «правильную» грамотную поэзию и «редактировала» застольные песни. Мне нравился Есенин, позже – Цветаева, которую ранее, в детстве, я отторгала из-за слома классического ритма. Теперь очень внимательно вчитываюсь в стихи Н.А. Ягодинцевой.

Н.Т. Что для тебя наиболее важно – стихи или то, из чего они приходят?

О.Р. Процесс поддержания связи важен.